

Оглавление

Предисловие	5
Лекция 1. Понятие мифа	11
Лекция 2. Мифологическая картина мира	21
Лекция 3. Герой шаманского мифа	39
Лекция 4. Миф, эпос и сказка	55
Лекция 5. Египетская мифология	65
Лекция 6. Греческая мифология: возникновение мира	91
Лекция 7. Греческие богини и боги	107
Лекция 8. Греческая героика	133
Лекция 9. Римская мифология	155
Лекция 10. Скандинавская мифология: боги	185
Лекция 11. Скандинавская мифология: герои	213
Лекция 12. Славянская низшая мифология	239
Лекция 13. Славянские боги	271
Лекция 14. Былины: обзор проблем и былина о Дюке	303
Лекция 15. Илья Муромец	327
Лекция 16. Младшие богатыри	355
Лекция 17. Индийская мифология: древнейший период	371
Лекция 18. Индуизм	395
Лекция 19. Индийский эпос	417
От короля Лира к товарищу Сухову: Судьба мифологического клише в художественном мышлении	451
Литература для дальнейшего изучения	476

Предисловие

Презентация первого издания этой книги была на Красной площади. Честное слово, если бы мне в далеком 1993 году, когда я начала читать свой курс по мифологии, сказали бы, что таким будет судьба его издания, — я бы не поверила. За полтора месяца весь тираж (весь!) — как корова языком слизнула. Знаете, есть такие коровы — одна своим языком предка богов вылизала, другая вообще небом стала... а если не знаете, то в этой книге про них говорится. Вот такая корова и слизнула самый первый тираж «Введения в мифологию», так что издательство срочно печатало второй, и он успел на Красную площадь ровно нехонько утром в день презентации на книжном фестивале.

Честно сказать, эта книга заслуживает такого приключения. Курс лекций, который лежит в ее основе, почти четверть века читался в Институте УНИК (в разные годы наш вуз назывался по-разному, сначала — Университет истории культур, откуда и аббревиатура, потом стал институтом, а «УНИК» превратилось в название, потом стал ассоциированным при МЭИ). Аудиозапись этих лекций была сделана в 2007 году для дистанционного отделения — и я затрудняюсь предположить, сколько же студентов ее прослушало. Судьба сложилась так, что именно в 2017 году, когда УНИК прекратил существование, мне предложили издать этот курс. Да, учебник появился тогда, когда не стало вуза, — и если на лекциях у меня были десятки студентов, дистанционно — сотни, то теперь счет пошел на тысячи: два издания, в мягкой и твердой обложке, каждое неоднократно до-

печатывалось. И это в наше время, когда, как принято причитывать, наука-то никому не нужна, а бумажная книга-то вымирает... причитайте-причитайте, я фольклорист и с удовольствием эти современные мифы запишу.

В чем секрет успеха этой книги? Я бы сказала, в ее прагматичности. Мы изучаем не мифы ради мифов и не древность ради древности, мы изучаем те законы, по которым строятся сюжеты современных книг и фильмов (причем так называемые реалистические произведения могут активнее использовать клише мифа, чем фэнтези), по этим законам строится наше мировосприятие.

Почему вообще нам сейчас понадобились мифы? Почему издания по мифологии сейчас расходятся десятками тысяч книг (а про фэнтези я вообще молчу)? Потому что мифы, волшебство, фантастика — всё это подразумевает мощнейшее развитие воображения, пластичность сознания, постоянную готовность к «вдруг, откуда ни возьмись», а в нашем мире стремительно развивающихся средств связи и интеллектуальной техники эти «несерьезные» качества не просто необходимы, они — залог выживания. «Надо жить реальной жизнью!» — ругали нас тридцать лет назад. Но современная реальность превзошла самые смелые волшебные фантазии, наливное яблочко, катающееся по серебряному блюдечку и показывающее дела заморские, теперь называется словом «вебинар» и знакомо, вероятно, каждому. И так знание мифологии становится условием комфортного существования в самой что ни есть реальной жизни.

В нынешнем многообразии книг по мифам сложно выделить, и всё же эта книга — необычная. Ее задача — дать представление о мифологии как о целостной системе, где каждое конкретное сказание имеет некую универсальную основу, на фоне которой ярче видны национальные особенности. Поэтому из множества мифологий здесь отобраны всего шесть: Греция и Рим, потому что они основа европейской культуры, Египет, потому что он — самая популярная из экзотических мифологий (сознавайтесь, у вас дома стоит хоть одна фигурка

египетского бога? кружка с египетским сюжетом есть?), Скандинавия, потому что это прекрасно сохранившиеся тексты и основа европейского менталитета, Русь — без «потому что» и Индия, потому что это ключ к культуре Востока. Но начинается и заканчивается книга с самого сложного — с теории, с выяснения тех законов мифологического мировосприятия, воплощение которых мы будем видеть в конкретных сюжетах и образах. Курс в УНИКе традиционно завершался семинаром, где студенты должны были проанализировать реалистичный сюжет как миф, — вместо этого семинара в книге приведена моя статья 1996 года, где я делаю ровно это самое.

Лекции, которые легли в основу книги, были прочитаны в разные годы: основа — в 2007 году, при записи аудиокурса, лекция по Риму — в 2017 году, уже как отдельный вебинар (в курсе УНИКа на Рим отводилось очень мало времени), а лекция «Славянские боги» — самая свежая, 2024 год, и многое, очень многое в ней пересмотрено по сравнению с первым изданием.

Еще одна особенность этой книги — ее язык. Это издание живых лекций — жанр, стремительно набирающий популярность в наше время. Мы вообще сейчас начинаем ценить эмоции едва ли не больше фактов — поэтому добро пожаловать на лекции бодрые, часто язвительные и с бесконечной любовью к вам, моим когда-то слушателям¹, а ныне... всё равно — слушателям. Язык-то устный ;)

Но из того, что это публикация реальных лекций, не следует, что тексты взяты с диктофона «как есть». Просто поверьте: то, что с листа кажется живой речью без редактуры, — очень,

¹ В отзывах на первое издание нередко встречались критические: дескать, язык должен быть академическим, а тут балаган вместо лекции. Что сказать... попробуйте преподавать в вечернем вузе, когда к тебе приходят студенты в семь часов вечера, вымотанные после рабочего дня. Попробуйте почитать им лекции академическим языком, н-да. И то, что сейчас лекции перенесены на бумагу, дела не меняет: где будут читать-то эту книгу? На пюпитре в кабинете за дубовым столом — или все-таки в битком набитом автобусе по дороге на работу или с нее? Нет уж, пусть серьезным будет содержание, а форма остается хулиганской. Как говорил один киногерой, «Улыбайтесь, господа. Все глупости делаются с серьезным выражением лица».

очень отличается от голой расшифровки. И в этом — отличие нового издания от первого: я основательно почистила язык. Делая первое издание «Введения в мифологию», я еще не имела никакого опыта перевода устного текста в «книжный устный», но за прошедшие годы вышло несколько книг моих лекций, так что сейчас я прошла по тексту с наждачком.

Так мы перешли к традиционному: чем новое издание отличается от прежних. Главное отличие — лекция о славянских богах. Раздел о Дажьбоге полностью переписан, раздел о Хорсе — написан (его не было), остальное переработано в большей или меньшей степени. Несколько подредактирована и лекция по низшей славянской мифологии, кое-что досталось и лекциям по богатырям. В остальном правка касается больше языка, чем содержания (и устранено несколько досадных неточностей, типа названия битвы, в которой погиб исторический Александр Попович). В финальной статье восстановлены сноски (она написана в докомпьютерные времена, при сканировании сноски были утрачены, а сейчас возвращены вручную).

В критических отзывах на первое издание мне писали: дескать, здесь мифы пересказаны бегло, поверхностно. Бегло — да, разумеется. Потому что никакие лекции не заменят вам чтения первоисточника, а список текстов — вот он, приведен, читайте дальше сами. А насчет «поверхностно» — извините, нет. Как говорится, «первые четыре прочтения “Эдды” — самые сложные» (а также «Махабхараты», «Илиады»... ох). И моя задача — заменить вам первые три прочтения, максимально сократить текст, выжать из него главное, но при этом поставить его и в систему универсальных мифов, и в структуру конкретной национальной мифологии. Зато на теорию нам времени не жалко, тут сокращать нельзя.

Итак, мы начинаем наш путь в глубины мировосприятия, в мифы, древнейшим из которых сорок тысяч лет, но они оказываются, к нашему удивлению, актуальными, современными и живыми.

Лекция 1

ПОНЯТИЕ МИФА

Мы будем изучать мифологическое мышление. Что это такое? Чем оно отличается от мифологии славянской, египетской и какой угодно? Примерно тем же, чем скелет человека отличается от человека как индивидуальности. То есть мифологическое мышление — это то, что было, есть и, вероятно, будет. Это то, на чем построена не только древняя культура, но и культура современная. На мифологических универсалиях в огромной степени строится, например, современная реклама. В какой-то степени на них строится вообще современное искусство. И несовременное тоже. Итак, есть некие универсалии, которые существуют помимо нашего восприятия. Они находятся на уровне подсознания. Они не меняются с течением веков и тысячелетий. Они, естественно, не отличаются у разных народов. Хотя, конечно, у каждого конкретного народа они наполняются неким конкретным содержанием, конкретной формой. Конечно, надо уметь различать, где мы имеем дело с универсальным представлением (и, соответственно, надо делать акцент на том, что это представление универсальное), а где-то надо все-таки делать акцент на частностях, потому что частности — это, собственно, то, что составляет нашу национальность. Всё это тоже не менее важно, чем универсалии, просто надо правильно расставлять акценты в каждом конкретном случае.

Что же в таком случае миф? Сразу хочу подчеркнуть, что, хотя мы привыкли под словом «миф» подразумевать некие сказания о том, как какой-то там бог соблазнил какую-то там оче-

редную смертную или не очень смертную женщину (что нам в основном известно по мифам Древней Греции, хотя это тоже не совсем так), мы под словом «миф» подразумеваем не сказания. Мы под словом «миф» подразумеваем представление. И это представление может воплощаться или словесно (в форме мифа, рассказа), или же изобразительно (изображения богов в любом музее), и, наконец, миф может воплощаться через действия, то есть в ритуале. Например, когда кто-то видит черную кошку, совершает некие ритуальные действия, чтобы она зла не принесла, то это ритуальные воплощения мифа на примитивном уровне. Но мы будем это называть суеверием, потому что каждый человек скажет, что он во всё это не верит. Но когда человек подчеркивает, что он не верит, но совершает действие, — это суеверие. А когда верит — это миф.

Итак, миф воплощается в этих трех формах. Не обязательно только в одной, может сразу и в двух, и в трех: словесной, изобразительной и ритуальной. Мы, конечно, в основном будем иметь дело с мифами, воплощаемыми словесно, но не всегда. Итак, миф — это некое представление. Но какое? Чем мифическое представление отличается от немифического? Тем, что в основе мифологического мировосприятия всегда лежит *представление о двух мирах*: мире людей и ином мире. И эти два мира взаимодействуют. Таким образом, миф — это представление, основанное на взаимодействии мира людей и иного мира (мы можем называть его потусторонним). Но слово «потусторонний» мне не нравится, потому что для мифологически мыслящего человека он никакой не потусторонний. Например, человек живет в доме, в котором есть домовый. Ну какое же это потустороннее существо? Это уже, можно сказать, член семьи. В какой-то степени даже старший член семьи. Ничего потустороннего для мифологически мыслящего человека здесь нет. Это «потустороннее» только для исследователя, атеиста.

И еще один очень важный момент. Я уже неоднократно употребляла выражение «мифологическое мышление». Этот термин прижился в науке. Нам от него уже никуда не деться, мы уже на него обречены. Но тем не менее необходимо признать,

что мифологического мышления не существует. Как так? Дело в том, что мышление подразумевает логический анализ, в то время как мифология основывается совершенно на другом. Она основывается на эмоциональном восприятии действительности. Если взять уже упомянутый случай с черной кошкой, то логически, разумеется, ее появление в себе никакого вреда не несет. Почему человек плюет через левое плечо и разламывает палочку, если встретил черную кошку? Потому что это бьет по его эмоциям, он испытывает чувство страха или некоего дискомфорта. Стало быть, миф — это иррациональное переживание действительности, которое основано на взаимодействии мира людей и иного мира и может воплощаться словесно, изобразительно или через действие, то есть ритуально. Это мы и будем понимать под словом «миф».

Обобщая, мы можем сказать довольно жестко: всё, что мифологично, — эмоционально. И практически всё, что эмоционально, в той или иной степени мифологично.

Миф основан на противопоставлении «свое и чужое». Причем в мифологическом мировосприятии (далее я буду говорить «мышлении» в силу научной традиции, но надо помнить, что это все-таки не мышление») всё «свое» воспринимается положительным независимо от его неких объективных качеств. Оно «свое», и поэтому оно — хорошее. Как только мы сталкиваемся с таким представлением, всё прекрасно, логика отдыхает, логика выключена, пошла чистая мифология. А соответственно, всё чужое воспринимается как потенциально опасное, как потенциально враждебное и, применительно к антуражным (традиционным) мифологиям, как колдовское. Понятно, что такая картина, как противопоставление «своего» и «чужого», очень хорошо ложится на советскую идеологию. И действительно, в последние десятилетия появилось очень много работ, где ценности советской культуры и мировоззрение советской эпохи рассматриваются именно в рамках классической мифологии. И кстати, из этого мы делаем простой вывод: мифологическое мышление не связано с религиозностью. И иногда даже одно другому довольно сильно вредит. В советское время, как

известно, религии не было. Она была отменена. Был атеизм. А мифология цвела пышным цветом, потому что религия ей не мешала.

Всё «свое» мыслится благим, всё «чужое» — потенциально опасным, колдовским. Возьмем более антуражный пример. Приезжает американский этнограф к австралийским аборигенам, записывает их сказания. Те его принимают, потому что считают его своим предком (кстати, любопытный факт, что австралийцы действительно верили, что британцы — их предки, потому что у австралийцев обитатели мира мертвых представляются белотелыми, а австралийцы, как вы знаете, смуглые). Итак, они его принимают, но предупреждают не ездить за те холмы, потому что там живет очень злое племя, которое может его заколдовать и съесть. Естественно, британец не слушает их советов, едет за те холмы, и там, можно догадаться, ему говорят то же самое. Этот пример можно спроецировать на советское время, на «железный занавес». От австралийцев в этом смысле мы отличаемся достаточно мало.

Кто у нас населяет иной мир?

К иному миру относятся, естественно, боги классических или не очень классических мифологий.

Следующий класс — божества (в русской мифологии: русалки, домовые, лешие). То есть существа, которые живут бок о бок с человеком, живут с ним в одном доме, живут с ним на одной территории. Их культ, представление о них, сосуществование рядом с ними играло и играет до сих пор очень-очень большую роль. Может показаться, что в нашем современном обществе поверий о леших нет, но если поговорить с серьезными туристами, то они много интересного расскажут. А если вам удастся разговорить серьезного спелеолога или серьезного альпиниста, то там такого будет и вовсе предостаточно. Не могу не заметить, что чем больше профессия (род занятий) связана с риском, тем больше будет уровень мифологизации. И кстати, такие представления (об ином мире) будут достаточно ревниво охраняться и далеко не всегда выдаваться вовне. Чтобы записывать, допустим, современные поверья о леших, можно далеко

не всякого туриста разговорить, и далеко не всякий турист согласится это рассказать. Потому что для него это действительно очень серьезный вопрос, он с этими силами взаимодействует. Не будем говорить о том, существуют они или нет, поскольку это вопрос веры.

Отдельная категория обитателей потустороннего мира — мертвецы. Забегая вперед, скажу, что во всех языческих мифологиях загробная жизнь не определяется тем, был ли человек добрый или злой, праведный или неправедный (понятие праведности и неправедности — это к монотеизму, но ни в коем случае не к язычеству). В любых языческих мифологиях загробное бытие определяется формой смерти и формой погребения. Если человек умер правильной смертью, то есть обычной смертью, то, соответственно, после смерти он переходит в категорию предков и затем определенным образом, в рамках этой категории, взаимодействует с живыми в ходе специальных праздников, специальных ритуалов и т. д. Если же человек умер слишком рано или слишком поздно, если он был убит или, хуже того, покончил с собой, если он не был похоронен, был похоронен не должным образом — одним словом, если он умирает неправильной смертью, он переходит в гораздо менее приятную категорию, пополняет собой огромный корпус нечисти: всевозможные вампиры, упыри и другие не очень привлекательные персонажи. Итак, мертвые — это совершенно особая категория обитателей иного мира.

Следующая категория — это животные. Животные с завидной регулярностью мифологически маркированы. Иногда в определенных ситуациях животные оказываются мифологически значимы, хотя в обычной жизни мы к ним так не относимся. Пример из моей личной полевой практики. Приезжаем мы в украинскую деревню с фольклорной экспедицией от Института славяноведения под руководством Никиты Ильича Толстого (внука А. Н. Толстого). Как празднуется свадьба? Вот так-то и так-то, но на свадьбе обязательно должен быть кот. Через год приезжаем в деревню, которая находится приблизительно в пятидесяти километрах от первой. Как празднуется свадьба?

Вот так-то и так-то. На свадьбе категорически не должно быть кота. И каким-то образом это объясняется. Оставим вопрос о том, должен ли быть все-таки кот на свадьбе. Что мы имеем? Совершенно обычное домашнее животное. В обычной жизни никакой мифологической роли не играет. Но свадьба — переход из холостого состояния в семейное. Раз состояние перехода — значит, это зона риска, зона повышенной эмоциональной окрашенности. И в этой ситуации обычное животное мифологизируется. И в этой ситуации кот оказывается мифологически значим, и поскольку он здесь мыслится носителем определенных сил, то эти силы мы можем или принимать, или отвергать. И соответственно, в деревнях, расположенных сравнительно недалеко друг от друга, решения принимаются противоположные.

Итак, мы уже имеем такие категории: боги, божества, обитатели мира мертвых, животные.

Последняя категория существ иного мира — соседние народы, которые в большей или меньшей степени мифологизируются всегда. Вот сейчас благодаря глобализации это потихонечку уходит. И то у нас хватает совершенно немыслимых мифов про другие народы. Идем дальше.

Уже была упомянута одна черта мифологического мышления, которая чрезвычайно важна: это тождество противоположностей (пример с котом на свадьбе). Почему оно оказывается возможным? Потому что когда какой-то объект ярко мифологически эмоционально окрашен, то, соответственно, он вызывает весьма сильные эмоциональные переживания, которые могут быть как с плюсом, так и с минусом. От любви до ненависти один шаг. От ненависти до любви, в общем, не многим больше. То есть чем мифологичнее какой-либо объект, тем контрастнее может быть его восприятие. Это особенность мифологического мышления. Она была подмечена очень давно. Но именно через эмоциональное восприятие она, насколько я помню, никогда не объяснялась. Ее надо сейчас выучить, а потом, когда вы начнете с ней сталкиваться, — героически терпеть.

Возьмем пример более антуражный. Греческая мифология. Родается у Леды от Зевса, пришедшего к ней в образе лебедя, прекраснейшая из всех смертных женщин дочь Елена. Всё замечательно. Она живет у земного мужа Леды. И приходит время выдавать Елену замуж. И оказывается парадоксальная ситуация: за красивейшую из женщин никто не хочет свататься. Почему? Формально это объясняется тем, что каждый боится, что как он женится на Елене — ее тотчас украдут. На самом деле это позднейшая рационализация. Речь идет о том, что сверхкрасота, как и сверхуродство, решительно отталкивает: это то, что не входит в привычный людям уровень существования, в привычный людям образ жизни. И это одинаково отрицается. Кстати, очень часто в разнообразных сказаниях мы встречаемся с тем, что персонаж, особенно негативный, может одновременно восприниматься и как сверхпрекрасный, и как сверхуродливый или менять облик с одного на другой. Это обычная ситуация. Если кто хорошо помнит курс алгебры, там изучается такая величина, как модуль. Допустим, есть пределы красоты и уродства или каких-либо других качеств по модулю. Пределы — в данном случае возможные для человека. Если за эти пределы существо выходит как в лучшую, так и в худшую сторону, то всё — это нелюдь. Кстати, в связи с этим не могу не заметить, что наш с вами язык прекрасно сохраняет представление о том, что далеко не всякое существо, похожее на человека, является человеком. Мама у нас иногда напрасно ругает так своих детей: «Когда ж ты у меня человеком станешь?» Конечно, такая мама не верит в то, что существо рождается еще не вполне человеком, но язык это еще сохраняет. Или же выражение, что таким-то путешественникам, шедшим через опасные земли, было предсказано, что они *вернутся живыми*. С точки зрения логики это очень смешно. Как будто бы можно вернуться мертвыми. С точки зрения мифологии всё нормально. То есть, действительно, у нас на протяжении тысячелетий было представление о том, что в чужих краях тебя заколдуют, съедят, а в твоем облике явится какой-нибудь демон или ты вернешься в состоянии ходячего трупа. А такому вампиру надо что-то

есть, ты будешь пожирать своих бывших сородичей. И соответственно, предсказание, что человек может вернуться не живым, когда-то было вполне актуальным. А сейчас оно просто сохраняется в языке.

Таково мифологическое мышление в самых общих чертах.

Следующий важный момент. Если мы находимся внутри некоего круга эмоциональных переживаний, то естественно, что законы, по которым самые разные явления в этом круге отождествляются, нам понятны, потому что мы по ним живем. Как только мы оказываемся вне такого круга переживаний, то сразу же начинается восприятие таких отождествлений как «чушь собачья». Приведу простой пример. Допустим, мы перенесемся в советское время. Нам надо нарисовать стенгазету «Да здравствует советская пионерия». Что можно взять в качестве эмблемы для такой газеты? Пионерский галстук, барабан, пионерский значок, горн, костер. Можем нарисовать отдающего салют пионера. Или пионерку. Можем нарисовать отряд пионеров. Для человека, который представляет себе советскую действительность, понятно, что всё это абсолютно равнозначные символы советской пионерии для эмблемы такой стенгазеты. Они все годятся в равной степени. Это понятно и очевидно. Но из этого следует, что для нас именно в данных рамках абсолютно равнозначны: кусочек красного шелка, кусочек металла, огонь, мальчик, девочка, мальчик и девочка вместе, группа детей. В рамках символа, в рамках эмоционального переживания они все полностью тождественны. Но как только мы выходим за пределы этого символа, то, понятно, мы мальчика от девочки прекрасно отличаем.

Если взять пример поантуражнее, — перенесемся на тысячу лет назад. Для древнего славянина, если он поклонялся Перуну, гроза, молния как атмосферное явление, кабан как животное, топор, дуб или кабаний клык (предмет, который можно повесить на шею), меч, найденный в земле нож палеолита — это всё абсолютно равнозначные вещи в рамках данного культа. Ведь всё это символы громовержца, всё это символы Перуна. Если мы берем советский пример или более далекий славянский